

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА
И
ИСКУССТВО
народов
Средней
Азии
в древности
и средне-
вековье

Под редакцией

Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
В КНИГЕ А. М. БЕЛЕНИЦКОГО, И. Б. БЕНТОВИЧ,
О. Г. БОЛЬШАКОВА
«СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ»¹

В первой части нашей статьи были рассмотрены две важные темы, разработанные О. Г. Большаковым, по нашему мнению, недостаточно точно или даже неверно (хотя многие частные вопросы в рамках этих тем решены и убедительно и интересно). Мы пытались показать, что дело не столько в отдельных фактических ошибках и недоработках, сколько в методе.

При изучении территориального роста Бухары О. Г. Большаков исходил из твердого убеждения, что за домонгольское время максимальных размеров этот город должен был достичь в X в. при Саманидах, когда он стал столицей государства. Не обнаружив фактов, которые подкрепили бы эту уверенность, он стал их «создавать»; факты же, которые могли эту уверенность поколебать, остались вне поля зрения исследователя. Именно так была датирована внешняя стена Бухары, определено и графически реконструировано местоположение значительных отрезков стен «внутреннего» и «внешнего» рабадов, вычислены размеры этих двух частей города.

При изучении средней плотности и количества населения среднеазиатских городов и отношения городского и сельского населения метод экстраполяции использован крайне упрощенно (без предварительного изучения и обработки материалов XIX в.), подсчеты на основе недостаточных археологических данных (особенно для X—XII вв.) произвольны (и не случайно практического применения в дальнейших вычислениях не получили); ничем, как правило, не обоснованные поправочные коэффициенты явно ориентированы на этнографические

данные; полученные цифры, долженствующие быть источником для исторических выводов, с одними из уже сделанных выводов входят в противоречие, под другие просто подогнаны с помощью вышеупомянутых произвольных коэффициентов.

Во второй части рецензии обсуждаются некоторые вопросы экономического развития среднеазиатских городов и денежного обращения с конца VIII по начало XIII в. в освещении О. Г. Большакова, а также группа частных и мелких вопросов в рамках глав II и VII.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОРОДОВ
С КОНЦА VIII ПО НАЧАЛО XIII в.;
ГОРОД И РЕМЕСЛО

Город более чем за четыре столетия — огромная тема. О. Г. Большаков отобрал для исследования определенный круг вопросов, и мы, естественно, не собираемся рассматривать те, которые не рассмотрел он. Но экономическое развитие городов, развитие ремесла, периодизация и локальные варианты этого развития безусловно находятся в центре его внимания. Это сформулировано как одна из задач: «... Дать предварительный обзор истории (разрядка наша. — Е. Д.) среднеазиатского города с конца VIII по начало XIII в.» (с. 142). О том же свидетельствуют некоторые вводные замечания (в гл. I) о периодизации и локальных вариантах, заставляющие надеяться, что они будут обоснованы в следующих главах конкретными материалами, например утверждение (с. 134), что в XI—XII вв. «продолжали развиваться ремесла и торговля, совершенствовалась строительная техника, в большинстве районов продолжали расти города. Наиболее интенсивный темп развития наблюдался в восточных, более

¹ Продолжение, первую часть рецензии см. в сб. «Древность и средневековые народы Средней Азии». М., 1978, с. 103—116.

отсталых районах». Или заключительная фраза главы III: «В XI—XII вв. развитие городов замедляется, но продолжается на всей территории Средней Азии. Наиболее интенсивно оно в районах оседания кочевников: в Семиречье, предгорьях Копетдага и Каратау» (с. 210).

Источники изучения истории городов различны, О. Г. Большаков особенно пристально изучил два (выделив для этого специальные главы III—IV): территориальный рост городов и их количество. Эти два источника были бы более полноценными, если бы имелся равнозначный сравнительный материал для разных отрезков времени, практически же фиксируются результаты на IX—X вв. при отсутствии равнозначных оценок для последующего времени (что О. Г. Большаков неоднократно с огорчением и отмечает). Кроме того, размер города и общий уровень его развития как центра ремесла и торговли — понятия не равнозначные, хотя и зависимые. Даже в письменных источниках X в. неоднократно подчеркивается при сравнении городов, что иной город меньших размеров гуще заселен и экономически более развит; городские стены, фиксирующие территориальный рост города, охватывают его с большим «запасом»; и т. д. Еще более существенно, что территориальный рост городов на определенных отрезках времени прекращается, а их экономическое развитие продолжается. Иначе говоря, территориальный рост и количество городов не единственные и не главные формы их развития, т. е. одновременно не единственные и не главные источники изучения и периодизации истории городов (как центров ремесла и торговли) и выявления локальных вариантов экономического развития различных исторически сложившихся регионов внутри Средней Азии. О. Г. Большаков прекрасно это понимает. Правда, отдельной главы на основании других источников о других формах и признаках экономического развития отдельных городов и историко-культурных регионов, о периодизации этого развития и локальных вариантах в существе и темпах за четыре столетия в книге нет, но многочисленные замечания и соображения в этом аспекте разбросаны во многих главах и разделах. Вероятно, именно отсутствие «организующего начала» в виде отдельной главы привело к тому, что даже при одинаковых источниковедческих возможностях для разных городов и историко-культурных регионов вопросы эти освещены неравнозначно, а некоторые материалы, могущие стать источником, не мобилизованы.

Рассмотрим с этой точки зрения гл. III и часть гл. VI. Содержание большой главы III («Количество городов», с. 163—210) значительно шире ее названия, в ней исследуются

две группы вопросов. Средняя Азия поделена на десять историко-культурных регионов (иногда с внутренними делениями на более мелкие зоны). Для всех регионов, насколько позволял сравнительный анализ письменных источников и археологических данных, примерно равнозначно рассмотрена первая группа вопросов: количество городов по письменным источникам; их локализация; условия и время возникновения некоторых городов; деление на части и планировка; размеры и территориальный рост.

Очень полезны карты-схемы, на которых точно или приблизительно локализованные средневековые города обозначены разными знаками, так что наглядно выявляется состояние изученности этого вопроса. С картами-схемами соотносятся 17 очень ценных таблиц: списки средневековых городов по Истахри и Мукаддаси, данные о локализации, привязанные к современным ориентирам (городам, поселкам и т. д.), и разнообразные сведения о городищах — остатках средневековых городов². И наконец, сводные рисунки с планами тех городищ, к которым точно приурочены средневековые города письменных источников. Таким образом, 17 таблиц, карты и планы — это своего рода документальная часть этой главы.

Локализации средневековых городов Средней Азии посвящена большая литература. Первое глубокое итоговое исследование вопросов локализации принадлежит В. В. Бартольд. С тех пор накопился новый преимущественно археологический материал. О. Г. Большаков критически рассмотрел этот материал, в некоторых случаях предложил свои решения, в других — отверг отдельные категоричные выводы предшественников или проявил разумную осторожность. Эта трудоемкая исследовательская хорошо документированная часть главы заслуживает большого одобрения³.

² Этим таблицам не хватает графы относительно наличия *рабадов* и стен *рабадов* по данным Истахри и Мукаддаси.

³ Однако читателю нужно иметь в виду, что иногда, очевидно, полезна проверка, так как замечены отдельные небрежности и необоснованная избирательность. Например, город Шуман помещен в окрестностях Душанбе (и обозначен значком точной локализации!). Такая точка зрения существует, но она не единственная и самая недостоверная. В данном случае О. Г. Большаков, в отличие от других аналогичных ситуаций, не разбирает разные точки зрения, даже не упоминает об их существовании и не аргументирует выбор одной из них. Другой пример — Чаганиан. Приведя и рассмотрев две точки зрения (М. М. Дьяконова — городище около Денау, Г. А. Пугаченковой — городище Бедрач), О. Г. Большаков счел вопрос локализации Чаганиана еще не решенным (с. 180). Но на рис. 74/4 (с. 179) в качестве Чаганиана помещен план именно городища Бедрач! Зато в тексте размеры Чаганиана приведены по данным о городище близ Денау (с. 182).

Вторая группа вопросов, рассматриваемых в гл. III, — это экономическое развитие отдельных городов: сравнительное значение городов внутри историко-культурных регионов и изменения их сравнительного значения в разные периоды, оценка экономического развития историко-культурных регионов и локальные варианты этого развития. Даже примерно равноценной разработки этих вопросов для всех регионов не получилось. Это самое слабое место третьей главы, и дело не всегда в отсутствии источников, а скорее в том, что О. Г. Большаков иногда игнорировал некоторые источники, подлежащие использованию и анализу. Я имею в виду некоторые стратиграфические наблюдения археологов, вещевой материал (особенно керамику) и монеты того времени.

Чтобы не быть голословной, далее приведу два конкретных примера (Фергана и верховья Амударьи), ясно показывающие, что, коль скоро вторая группа вопросов стала предметом исследования, игнорировать эти источники, особенно нумизматический, было ошибкой. Здесь не место для всестороннего анализа монетного материала, но даже одни только данные о монетных дворах и их продукции (доступные историкам по литературе) вносят значительные коррективы в оценки О. Г. Большакова. Нужно, конечно, оговорить, что «монетные дворы и их продукция», как исторический источник, требуют осторожности и учета взаимодействия разных факторов: политических мотивов, интересов казны и экономической потребности; металла монет и организации их чекана («свободный» — «закрытый»); количества монетных дворов и монетной массы; монетной массы и состояния денежного обращения (спокойное — кризисное); и т. д.

Отдельный культурно-исторический регион в гл. III — это Фергана. Данные о количестве городов в X в. и локализации части их сведены в табл. 15 и рис. 84. Наиболее крупные города О. Г. Большаков с разной степенью подробности рассмотрел отдельно, но в заключительной части раздела не дал никаких самостоятельных оценок ни экономического развития всей Ферганы в целом, ни внутриобластных перемен, лишь относительно трех городов повторив аттестацию В. В. Бартольда, опубликованную в 1927 г.: «В XI—XII вв. происходят некоторые изменения в значении отдельных городов: Кува постепенно угасает; теряет значение Риптан, но возвышается Маргинан (Бартольд, III, с. 534). О развитии других городов или изменениях их численности нельзя сказать ничего определенного» (с. 205). Что все же можно сказать о других городах, добавить к характеристике трех названных и как следует оценивать состояние и развитие городской жизни

Ферганы в целом? Учет уже оговоренных сложностей изолированного использования источника «монетные дворы и их продукция» конкретно для Ферганы показал, что для сравнительной характеристики городской жизни IX—X вв. и XI—начала XIII в. всей Ферганы полезны нумизматические данные и XI и XII вв., для отдельных же городов — данные преимущественно XI в.

Ахсикет (с. 202—203). О. Г. Большаков приводит данные только до X в. в виде статичной характеристики размеров⁴ и исторической топографии. Поэтому в итоговый вывод Ахсикет вовсе не попал, о судьбе его при Караханидах тоже ничего не сказано. Между тем в XI в. в Ахсикете регулярно работал монетный двор [27, с. 38], и продукция его была значительной. Важно подчеркнуть, что даже при серьезных политических переменах третьей четверти XI в., когда Фергана была отнята у Восточных Караханидов Ибрахимом Тамгач-ханом (главой Западных Караханидов), монетный двор в Ахсикете продолжал работать, выпуская новую продукцию в соответствии с денежной реформой Ибрахима Тамгач-хана [14, с. 76].

Куба (с. 203—205). Для характеристики этого города О. Г. Большаков привлек некоторый археологический материал, тем не менее экономическая история города, изменение его удельного веса в Фергане за IX—XII вв. освещены неверно. Еще В. В. Бартольд отмечал, что после X в. Куба не упоминается, и его удивляло, «почему расцвет этого города был столь непродолжительным» [4, с. 534]. О. Г. Большаков считает, что проводимые в Кубе более десяти лет раскопки дали мало новых сведений о развитии города с VIII по XII в. (с. 204), и в общей оценке присоединяется к В. В. Бартольду: Куба в XI—XII вв. постепенно угасает (с. 205). Вывод этот не учитывает новейших археологических и нумизматических материалов. Археологи полагают, что вплоть до XIII в. Куба была крупным экономическим центром Ферганы. В XI и XIII вв., между прочим, были укреплены и отремонтированы стены *шахристана* этого города [6, с. 8, 12 и сл.]. В X—XI вв. в Кубе был монетный двор [26, с. 318; 27, с. 190; 16, с. 254—257; 14, с. 67—68]. Сравнительный анализ монет X—XI вв. убеждает в том, что экономическое развитие продолжалось, и по крайней мере до третьей четверти

⁴ Аттестация сравнительных размеров Ахсикета по данным Мукаддаси требует проверки, так как все рассуждение не избавлено от противоречий. Чаганиан равен Рамле (с. 202) и в то же время больше Рамлы (с. 180) со ссылкой на одну и ту же страницу Мукаддаси. Из приведенных сопоставлений непонятно также происхождение вывода о том, что Ахсикет больше Термеза в 1,5 раза.

XI в. с экономической точки зрения город был значительнее, чем в IX—X вв.

Ош (с. 204) был третьим по величине городом Ферганы (небесполезно отметить, что известные сейчас монеты этого города [27, с. 58] чеканены в начале XI в.), Узгенд же был на $\frac{1}{3}$ меньше Оша. О. Г. Большаков подчеркивает: неизвестно, вырос ли город в XI—XII вв. (с. 204). Это верно, пока речь идет о территориальном росте. Однако несомненно неуклонное экономическое развитие Узгенда. За первые три четверти XI в. он вышел, судя по монетному чекану, на уровень экономически наиболее развитых тогда городов типа Ахсикета, Маргинана, Кубы. Существенно подчеркнуть не только сходство, но и отличие: экономическое развитие Узгенда в XI в. было более стремительным, чем развитие названных городов, так как он начал с меньшего. По мнению О. Г. Большакова, «Узгенд возвысился при Караханидах, будучи одно время столицей крупного удела». Из этой фразы неясно, какое «возвышение» подразумевается — политическое или экономическое. Столицей крупного удела Узгенд был не единожды, а дважды: это обстоятельство могло активизировать экономическое развитие города, но в XI в. оно продолжалось неуклонно и после того, как Узгенд стал просто удельным владением.

Зато с середины XII в., когда Фергана стала фактически и формально крупным независимым уделом, а в столичном Узгенде монеты чеканили от имени глав ферганской ветви Караханидов, вскоре захватившей и Самарканд, стольное положение Узгенда сыграло более заметную и двоякую роль: оно не только создавало предпосылки для экономического развития самого города, но «подавляло» монетную эмиссию других городов Ферганы. Этот момент существен и требует пояснения. С середины XII в. Узгенд регулярно чеканил медные посеребренные дирхемы — знаки стоимости с принудительным курсом. Это было очень выгодно казне, но требовало осторожности. Заметное превышение объективно необходимого количества таких монет неизбежно приводит к кризисам (они и имели место в Фергане), ликвидация которых сложна и трудна (и в Фергане половинчатые попытки урегулирования серьезного успеха не имели). Усиление политической власти ферганских Караханидов, сидевших в Узгенде, позволило им и ради интересов казны и из политических соображений в значительной степени «монополизировать» чеканку таких монет. Все эти соображения важны в данной связи лишь с одной точки зрения: об экономическом состоянии других городов Ферганы во второй половине XII в. по монетным данным судить нельзя именно потому, что столичный Узгенд с из-

бытком обеспечивал всю Фергану и даже прилегающие районы средствами обращения, так что экономической потребности в работе других внутриферганских монетных дворов просто не было⁵. Но из этого также следует, что сокращение в Фергане XII в. числа монетных дворов по сравнению с XI в. не признак спада, сокращения товарного производства и торговли. Вместе с тем чрезмерно обильный чекан Узгенда не должен вводить в заблуждение относительно уровня необходимой монетной массы и соответственно о каком-то особом «взлете» торговли: выше уже упоминались кризисные явления в денежном обращении Ферганы [10, с. 195—200] именно из-за избыточного выпуска медных посеребренных дирхемов.

Про Маргинан и Риштан только со слов В. В. Бартольда указано, что первый в XI—XII вв. возвышается, второй теряет свое значение. Нумизматические данные существенно подкрепляют и конкретизируют этот вывод. К середине и третьей четверти XI в. Маргинан, очевидно, вышел на уровень, близкий Ахсикету, Кубе и Узгенду. Даже во второй половине XII—начале XIII в., когда основную часть монетной массы в Фергане производил Узгенд, именно маргинанский удельный владетель все же осуществляет эпизодический выпуск [10, с. 186, 189—190] медных посеребренных дирхемов. Риштан некоторое время «сопротивлялся» экономическому возвышению Маргинана [27, с. 205], перевес обозначился, очевидно, лишь к середине XI в.

Ходженд (с. 205) с точки зрения экономического развития вовсе не охарактеризован и в итоговый вывод также не попал. По данным монетного чекана и регистрации монетных находок видно, что город этот, как центр ремесла и торговли, значительно вырос в XI—XII вв. по сравнению с предшествующим временем.

Эти краткие сведения показывают, что в 1974 г. уже можно было представить основные тенденции развития всей Ферганы и многих ее городов после X в., а в части изменения их сравнительного значения за два периода (IX—X и XI—XII вв.) не следовало просто повторять наблюдение В. В. Бартольда полувекковой давности. Безусловно для Ферганы экономическое развитие городов и товарно-денежных отношений в XI—XII вв. по сравнению с предшествующим периодом. Одним из важных признаков этого процесса можно считать неравномерность: из многих городов, названных для X в., интенсивный подъем в XI—

⁵ Может оказаться, что владельцы некоторых внутриферганских уделов все же чеканили свою монету (известен, например, выпуск Маргинана начала XIII в.), но побудительные мотивы в этих случаях скорее политические и финансовые.

XII вв. испытывают немногие, а их экономика еще более влияет на остальные города и тормозит их самостоятельное развитие. Период XI—XII вв., следовательно, период «отбора» немногих городов из многих и тем самым — увеличения разницы в уровне «экономического развития» между двумя количественно неравными группами городов. Вторым важным признаком является некоторое перераспределение сравнительного значения городов от IX—X к XI—XII вв. Маргиан и Риштан в первой половине XI в. еще сохраняют определенное равновесие, в котором уже зреет победа Маргиана (частично и за счет Риштана), четко обозначившаяся с третьей четверти XI в. Столь разные в IX—X вв., Ахсикет, Куба (крупные города), Маргиан и Узгенд (маленькие) по своему экономическому значению к третьей четверти XI в. примерно уравниваются. Особенно интенсивно развивается Узгенд, он все больше вытесняет Ахсикет, а с середины XII в. вообще занимает в Фергане ведущее положение и как столица независимого удела и как центр ремесла и торговли. Экономическое развитие Ходженда в XI—XII вв. по сравнению с предшествующим временем также несомненно.

Данные о монетных дворах, взятые (как мы это здесь сделали) изолированно, не дают права на более конкретную характеристику и тем более периодизацию денежного обращения, а опосредованно — на характеристику товарного производства, торговли, экономического развития городов. Но такая задача и не стояла. Важным представлялось обосновать общие тенденции и показать, что уровень экономического развития городов и товарно-денежных отношений в Фергане XI—XII вв. был выше уровня предшествующего периода при неравномерности развития отдельных городов и увеличении «экономического разрыва» между основными городами и массой остальных.

Из многочисленных городов верхнего течения Амударьи О. Г. Большаков подробно, но статично описал Термез и Чаганиан, кратко — часть городов Вахша и Хутталя. Вывод сформулирован так: «Судя по имеющимся археологическим данным (Термез, Хульбук), в XI—XII вв. продолжается развитие городов и наблюдается некоторый экономический подъем» (с. 182). Неиспользованный О. Г. Большаковым нумизматический и некоторый археологический материалы позволяют расширить этот вывод и наполнить его новым содержанием. Рассмотрим сначала именно Хульбук. О. Г. Большаков считает, что, хотя в Хульбуке несколько лет велись раскопки, территория самого города все же не исследована. Это неверно. В результате раскопок на территории города описаны жилые дома,

выявлены места некоторых видов ремесленного производства, а для выяснения площади застройки проводились специальные, целенаправленные раскопки на окраинах города [18, с. 39 и сл.]. Установлено, что город в XI—XII вв. интенсивно рос, расширялся: там, где в X в. были мусорные свалки и поливные культурные насаждения, в XI—XII вв. появились жилые дома [18, с. 44].

Существенна общая сравнительная оценка уровня развития товарно-денежных отношений в Хуттале в IX—X вв. и XI—начале XIII в. В Хуттале был свой монетный двор, известная пока его продукция относится к первой половине X в. [26, с. 52, 60, 62; 27, с. 110] и ко второй четверти и середине XI в. [12, с. 71—75; 9, с. 104]. Монеты X в. — серебряные высокопробные, монеты XI в. содержат около 70% серебра. Анализ их функций показывает, что серебро первой половины X в. существенной роли во внутриобластной торговле не играло, серебро же XI в. было средством обращения. «Отсутствие» не является самостоятельным аргументом, но все же нельзя не отметить разницу в результатах регистрации монетных находок. Пока на территории Хутталя не зарегистрированы находки серебряных монет X в., зато найдены газневидские и сельджукидские монеты XI в. (в том числе — два клада). Состояние археологического изучения средневековых городов Хутталя еще не позволяет полноценно сравнить вещевой материал IX—X вв. и XI—XII вв., но одно несомненно: археологические разведки средневековых городищ (в том числе точно соотнесенных с городами письменных источников) дали бесспорный вещевой материал XI—XII вв. Очень существенно, что поливная керамика XI—XII вв. проникла даже в глухие и достаточно изолированные горные уголки (Дашти-Джум, горная долина р. Обимингоу), что говорит о возросшем ее производстве (возможно, и о подешевлении в результате роста производительности труда). Все эти данные вместе с упомянутым уже территориальным ростом столичного Хульбука позволяют сделать уверенный вывод о развитии товарно-денежных отношений в XI в., а следовательно, и экономическом развитии Хульбука и, вероятно, всех или части других городов Хутталя.

Есть данные об интенсивном экономическом подъеме именно с XI в. и для области Вахш. Монеты Вахша X в. пока вообще неизвестны, зато местный монетный двор выпустил серебряные монеты в третьей четверти XI в. и золотые монеты в конце XII—начале XIII в. На территории средневекового Халаварда (городище Лагман) зарегистрированы многочисленные находки отдельных монет и четыре клада этого же времени (содержащие как экземпляры мест-

ного чекана Вахша, так и пришлое монеты разных династий). Ясно, что Халавард с XI в. переживал несомненный экономический подъем.

Важен другой аспект. При нынешнем уровне знаний нельзя дать абсолютной оценки состояния товарно-денежных отношений и экономического развития городов Вахша и Хуттала в IX—X вв. Однако сравнительный анализ монетного источника не оставляет сомнений в том, что в любом случае уровень этот в Вахше и Хуттале был ниже, чем в центральном Мавераннахре и даже в Фергане того времени. Таким образом, мы фиксируем локальные варианты в темпах развития. Аналогичное сравнение материалов XI в. показывает, что развитие товарно-денежных отношений в Хуттале и Вахше, возможно, несколько уменьшило эту разницу, но она еще сохранялась. Не исключено, что отмеченный выше территориальный рост Хульбука именно в XI—XII вв. объясняется общими более замедленными темпами развития товарно-денежных отношений в областях Хутталь и Вахш за предшествующее время.

В Чаганиане домонгольского времени чекан первой половины XI в. [11, с. 73—97; 24, с. 193—195] и конца XII—начала XIII в. [13, с. 277 и сл.] также качественно, функционально отличается от эмиссии X в. Для сравнительной характеристики развития Чаганиана в IX—X и XI—XII вв. нумизматических данных даже больше, чем для Хуттала и Вахша. Они вполне убедительно свидетельствуют о том, что товарно-денежные отношения в области с XI в. вступают в новую фазу [11, с. 73—97].

Итак, не только Термез и Хульбук, но Чаганиан и Халавард; не «некоторый» экономический подъем, а интенсивное развитие именно с XI в. в целом областей Хутталь, Вахш и Чаганиан.

Столь же существенные археологические и нумизматические данные то для периодизации экономического развития, то для сравнительной оценки экономического веса разных городов и изменения их значения можно было бы привлечь при характеристике не всех, но еще нескольких историко-культурных регионов.

Одним из важнейших источников изучения экономического развития города и периодизации этого развития является ремесло. Именно с этих позиций О. Г. Большаков и определяет назначение тех разделов гл. VI, которые посвящены разным видам ремесел: «...ремесленная продукция важна нам не сама по себе, а как материал для суждения о жизни города, об определявшей ее производственной деятельности» (с. 270). Но в книге получилось обратное, разделы о ремесле (за малым исключением) написаны статично, констатационно, выявленные археологами признаки развития

производительных сил и прочие перемены за четыре столетия здесь не подчеркнуты, не выделены, а, наоборот, стерты. Разделы даже примерно неравноценны по полноте, но эта разница отражает не столько состояние изученности разных ремесел, сколько субъективное отношение автора. Конечно, керамика изучена лучше стекла, но не в такой степени, чтобы гончарному делу посвятить 11,5 стр., а стеклоделию — 0,5 стр. Критерии отбора материала для характеристики разных ремесел также различны. Поэтому большинство разделов о ремесле не представляют ни самостоятельной ценности, ни ценности источника для изучения экономического развития города. Приведем примеры. Стеклоделие (с. 285) описано столь кратко и схематично, что вовсе не дает никакого представления об этом важном виде ремесла и тех чертах его развития, которые выявлены. Причина, возможно, заключается в том, что О. Г. Большаков не обратился к многочисленным статьям о среднеазиатском стекле, целиком положившись на монографию А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова, Ю. А. Заднепровского (1, с. 95—136), в которой стекло рассматривается суммарно более чем за четыре столетия (этот недостаток уже отмечен в литературе [7, с. 420, примеч. 74]). Представляется, что даже в общих трудах по истории народов Средней Азии стеклоделие освещено более полно, точно и исторично [7, с. 352—353, 420—422].

Столь же обеднен раздел «медницкое дело» (с. 287—288), в нем не упомянуты важнейшие сведения об этом ремесле и опущены те признаки, которые свидетельствуют об его развитии на протяжении столь длительного времени.

Раздел о строительном деле вовсе отсутствует, что никак не возмещается коротеньким очерком о строительных профессиях (с. 288—289). Между тем строительное дело развивалось, и источники для характеристики этого развития весьма полны и разнообразны.

Лучше других написаны разделы о текстильном (с. 270—274)⁶ и гончарном (с. 274—

⁶ В частности, очень интересны сведения о государственных ткацких мастерских, изготовлявших дорогие ткани с именами и датами в надписях. Между прочим, такая мастерская была и в Бухаре (по данным Наршахи). О. Г. Большаков замечает: «В рассказе Наршахи вызывает недоумение только один момент, будто продукция мастерской засчитывалась в харадж Бухары, что совершенно невозможно: если мастерская была собственностью халифа, то и ее продукция являлась его собственностью» (с. 272). Но дело в том, что из текста Наршахи вовсе не следует, будто мастерская была именно собственностью халифа, он вообще не говорит, чьей собственностью она была. Она изготовляла изделия «для халифа» только потому, что в такой форме халиф хотел получать харадж; никакого противоречия и путаницы у Наршахи здесь нет.

285). производствах, в них собраны многие факты, приведены новые соображения. В разделе о гончарном производстве изучен вопрос о происхождении и времени появления в Средней Азии поливной керамики (с. 274—275), остальной материал рассмотрен в культурно-историческом аспекте. Признаки перемен, развития кое-где отмечены, но это лишь разрозненные замечания, даже в этом просторном разделе все имеющиеся материалы о развитии не объединены ни для характеристики самого ремесла, ни в качестве источника понимания экономического развития города и товарного производства.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЗА ЧЕТЫРЕ С ЛИШНИМ СТОЛЕТИЯ

Вопросу этому посвящено чуть более двух страниц (с. 161, 294—295), поэтому характеристика и не могла быть полной, но зато должна была быть точной. Краткость налагает еще одно обязательство: обдуманный отбор наиболее важных и существенных фактов. К сожалению, оба эти очевидные условия краткой характеристики не соблюдены.

Экскурс состоит из трех частей: общей характеристики монет, частного вопроса о курсе дирхемов *муаййади* в Самарканде середины XI в. и частного вопроса о курсе дирхемов *гитрифи* в 1128 г. Два последних вопроса специально проанализированы в ранее опубликованной статье О. Г. Большакова [5, с. 175—177], там часть аргументации изложена обстоятельнее, поэтому оба эти вопроса уместно пересмотреть одновременно в их статейном и книжном вариантах.

1. Общая характеристика монет конца VIII—начала XIII в.

При отборе материала и конкретной характеристике состава и функций монет конца VIII—X вв. есть верные положения (о золоте и дирхемах *исма'или* в X в.), но есть и серьезные ошибки. Можно было опустить (и опущено) многое, но наличие или отсутствие медных фельсов во внутренней торговле — важный показатель состояния и развития товарно-денежных отношений, об этом следовало сказать непременно, особенно памятуя их место и значение именно к X в. по данным источников (например, Ибн Хаукаль: «А торгуют они на фельсы») и регистрации их находок.

Трем видам «бухархудатских» монет (с изображениями, восходящими к драхам Варахана V) — *гитрифи*, *мухаммади* и *мусаййаби* —

посвящены всего две фразы и одно примечание (с. 161, 294 и примеч. 53), хотя в IX—X вв. именно они были основным средством обращения внутри государства Саманидов, харадж был исчислен и собирался именно этими монетами и вообще, по свидетельству источников, им отдавали предпочтение перед серебряными дирхемами *исма'или*. Но объектом критики является не краткость и формальность их аттестации, а ее ошибочность, вызванная невнимательным прочтением источников и литературы.

а. Опираясь на источники, мы пришли к заключению, что три вида монет уже к первой четверти IX в. различались прежде всего металлом, эта металлическая разница была и практическим критерием их различения: дирхемы *мусаййаби* — самые высокопробные из серебряных, дирхемы *мухаммади* — низкопробные серебряные, дирхемы *гитрифи* — медные (или из сплава неценных металлов). Разница металла сохранялась до начала XI в. Так как при Саманидах другие дирхемы, именуемые *исма'или* (без изображений, только с надписями), в массе уходили в Восточную Европу, нам пришлось рассмотреть, почему вкладах Восточной Европы вместе с саманидскими серебряными дирхемами *исма'или* не встречаются те бухархудатские монеты, которые были наиболее высокопробными из серебряных, т. е. дирхемы *мусаййаби*. Однако О. Г. Большаков утверждает, что Е. А. Давидович рассмотрела вопрос отсутствия вкладах Восточной Европы других дирхемов, а именно *гитрифи*, причем неверно определила причины этого отсутствия. По поводу такой невнимательности можно высказать еще одно соображение. Вопрос отсутствия вкладах Восточной Европы бухархудатских дирхемов *гитрифи* в рассмотрении вообще не нуждался, так как *гитрифи* — монеты медные. В соответствии с объективными и общеизвестными закономерностями денежного обращения медные монеты и не должны выходить за пределы государства, это аксиома. Напротив, подлежат изучению специалистами те случаи, когда медные монеты все же покидают страну, где их произвели.

б. О. Г. Большаков в контексте перечня монет конца VIII—X вв. сообщает курс в серебре дирхемов *гитрифи* (6:1) и дирхемов *мухаммади* (5,5:1), не оговаривая ни время установления, ни продолжительность существования этих курсов. У читателя создается полное впечатление, что это некая константа в государстве Саманидов. Между тем такой курс существовал лишь в пору пересчета хараджа (исчисленного вначале дирхемами чистого серебра) в «бухархудатские» дирхемы. Тот же Наршахи сообщает, что вскоре дирхемы *гитрифи* сравнялись с серебром, а в 835 г. за 100 дирхемов чистого

серебра давали всего 85 дирхемов *гитрифи*⁷. Иначе говоря, при Саманидах курс *гитрифи* не оставался неизменным, имея определенную тенденцию к повышению. Соответственно повышался курс и низкопробных серебряных дирхемов *мухаммади*. Было бы лучше вовсе не сообщать о курсе либо дать правильное освещение этого вопроса.

в. Как мы отмечали, дирхемы *гитрифи* (медные), *мухаммади* (низкопробные серебряные) и *мусаййаби* (наиболее высокопробные из серебряных) уже к первой четверти IX в. различались металлом. О. Г. Большаков не опровергает этого, но характеристика металла монет у него нечеткая и противоречивая: *гитрифи* — «неполноценные», металл *мухаммади* вовсе не назван, а *мусаййаби* в двух местах книги определены совершенно различно: на с. 161 они названы «неполноценными дирхемами с принудительным курсом», а на с. 294 — «вероятно», серебряными. Как видно, ясного представления о времени и путях образования трех видов бухархудатских монет у автора нет. Показательна следующая фраза: после восстания Муканны «опустошение страны и связанный с этим недостаток серебра принудили Мусейяба б. Зухейра прибегнуть к чеканке в Самарканде неполноценных дирхемов с принудительным курсом, так называемых мусейяби» (с. 161). В этой фразе три ошибки: при Мусаййабе б. Зухайре «бухархудатские» дирхемы еще не делились на три вида; еще не было самого названия «мусаййаби»; чеканенные при нем дирхемы не были «неполноценными» (они были высокопробными).

Краткую характеристику состава монет XI—начала XIII в., т. е. периода серебряного монетного кризиса, О. Г. Большаков обрывает на появлении низкопробных серебряных монет XI в. Такие примечательные явления денежного обращения в Средней Азии, как чекан дирхемов совсем без серебра (из сплава меди со свинцом) примерно в середине XI в. или продолжительное господство в сфере серебряного обращения (примерно со второй половины XII в.) крупных медных посеребренных дирхемов⁸, активизация золота как средства обращения, вовсе не привлекли внимания О. Г. Большакова.

О. Г. Большаков, вероятно, прав в том, что причины серебряного монетного кризиса «пока еще не установлены окончательно». Сам он

⁷ Свидетельство Наршахи о равенстве по курсу дирхемов *гитрифи* серебру О. Г. Большаков вообще опускает, а данные на 835 г. пересматривает, см. далее, с. 140—143.

⁸ Более того, как мы покажем далее, медные посеребренные дирхемы просто перепутаны с низкопробными («неполноценными») монетами.

называет две такие причины: сокращение добычи серебра в Илаке и «ухудшение общего экономического положения в первые десятилетия правления Караханидов» (с. 294)⁹. Действительно, в литературе этот вопрос «окончательно» не решен, но разработан гораздо более основательно [9, с. 110—117], чем это сделал О. Г. Большаков.

II. О самаркандских дирхемах *муаййади* середины XI в.

В 1967 г. были опубликованы два *вакф-наме* Ибрахима Тамгач-хана. В *вакф-наме* без даты (в дальнейшем условно будем считать его *вакфом* середины XI в.) выплаты были предусмотрены в денежной форме, дирхемы подробно описаны и оговорено равенство 47 таких дирхемов мискалю чистого червонного золота. О. Г. Большаков предпринял историко-нумизматическую интерпретацию этих сведений источника. Справедливо отметив, что проба самаркандских дирхемов Ибрахима Тамгач-хана неизвестна, зато опубликованы результаты химического анализа его монет, чеканенных в Сганиане и Фергане, О. Г. Большаков решил опереться на последние. Ферганские монеты 60-х годов XI в., как видно из опубликованных нами данных [9, с. 105], чеканены из сплава меди (69—73%), серебра (18—23%), свинца (4—7%) и олова. Заключив, что эти ферганские дирхемы «содержат в среднем 20% серебра», О. Г. Большаков в дальнейших расчетах опирается то на этот процент, то на другие (20—22% и 23%) и в результате своих вычислений приходит к следующему двум выводам: во-первых, курс дирхемов *муаййади* в Самарканде был принудительным, но незначительно (по одному расчету — в 2 раза, по другому — точно на 16%); во-вторых, представление Е. А. Давидович (разделявшееся прежде О. Г. Большаковым) о том, что низкопробные серебряные дирхемы XI—XII вв. обращались в сфере серебра как знаки стоимости с принудительным курсом вне зависимости от их серебряного содержания и т. д., оказались неверными.

а. Я никогда не утверждала, что низкопробные серебряные дирхемы XI—XII вв. были знаками стоимости с принудительным курсом. Если бы О. Г. Большаков внимательно прочел соответствующее место моей статьи, он увидел бы, что там рассматривается новый этап развития серебряного монетного кризиса, когда выпуск низкопробных серебряных дирхемов прекратился и их место заняли крупные мед-

⁹ Вторая причина, кстати, требует обоснования.

ные (бронзовые) монеты, по-прежнему называвшиеся дирхемами, но лишь сверху амальгмированные серебром. Вот эти-то медные посеребренные дирхемы названы знаками стоимости, обращавшимися в сфере серебра по принудительному курсу. Курса же низкопробных серебряных дирхемов XI—XII вв. я вообще не касалась. Таким образом О. Г. Большаков «опроверг» то, что не постулировалось.

б. Основная методическая ошибка О. Г. Большакова заключается в том, что за основу изучения курса монет Самарканда взято отношение между серебряными дирхемами и золотыми динарами «на западе мусульманского мира» (собственно, даже два таких соотношения: $1:13\frac{1}{3}$ и $1:20!$). Общеизвестно, что ни *ratio* золота к серебру, ни конкретный курс серебряных монет в золотых монетах нельзя переносить из одного конца мира в другой. Поэтому весь последующий конкретный расчет не имеет научного значения.

Но даже если допустить, что *ratio* в Самарканде середины XI в. и «на западе мусульманского мира» было одинаковым, все равно этот расчет О. Г. Большакова не имел бы научного значения из-за новых методических ошибок, поскольку не учтен и не сопоставлен вес «западно-мусульманского» дирхема и самаркандского дирхема *муаййади*, вес какого-то «западно-мусульманского» динара механически приравнен самаркандскому мискалю и т. д., а ведь это XI век! Уже одной из названных методических ошибок достаточно, чтобы снять как необоснованный и другой вывод О. Г. Большакова — о размерах принудительности курса (то в 2 раза, то на 16%), поэтому фактические ошибки в самих подсчетах нет надобности здесь рассматривать.

Хотелось бы подчеркнуть, что осмысление и комментирование интересного свидетельства *вакф-наме* середины XI в. о том, что в округе Самарканда тогда были дирхемы *муаййади*, 47 штук которых равнялось мискалю чистого золота, далеко не просты и пока преждевременны, ибо это — одно уравнение с несколькими неизвестными. Поясним.

1. Когда речь идет о весовых мискале и дирхеме, их можно сопоставить без знания абсолютного веса, исходя из их канонического для средневековья весового соотношения: 7 мискалей = 10 дирхемам. Но в данном случае необходимо оперировать абсолютными весовыми данными, так как дирхемы *муаййади* — это не весовые дирхемы, а реальные монеты. Их вес не изучен, ясно только, что он не равнялся мискалю, а был много ниже. Прежде всего, следовательно, нужно выяснить хотя бы средний, а лучше и указной вес дирхемов *муаййади* путем изучения большого числа монет.

2. Для выяснения весового количества серебра в дирхемах *муаййади* необходимо одновременно знать и их вес (средний или указной) и их пробу. Проба ферганских монет Ибрахима Тамгач-хана может служить ориентиром, она позволяет определить наименьшее возможное количество чистого серебра в монете определенного веса. Однако нам удалось выяснить новое о конкретных формах развития в Средней Азии серебряного кризиса, в том числе и о самаркандских монетах Ибрахима Тамгач-хана. Оказалось, что по мере порчи серебряных монет охотно стали прибегать к выпуску монет субэратных, т. е. «трехслойных» (внутренняя пластина из неценного металла, две внешние — серебряные). Такими же субэратными оказались дирхемы Ибрахима Тамгач-хана, чеканенные в Самарканде в 438/1046–47 г. и ближайшее время. Химический анализ пяти монет¹⁰ показал, что во всех есть небольшая примесь олова, в двух — небольшая примесь свинца, основные же компоненты — медь и серебро. В четырех монетах меди более 80%, а серебра — 15–16%, но это не первоначальное соотношение, так как в субэратных монетах стираются именно верхние серебряные пластины. Четыре монеты плохой сохранности, верхние пластины истонченные, кое-где даже отлетели, так что 15–16% серебра не дают представления о первоначальном количестве. У пятой монеты (также плохой сохранности) серебра 36,7%, но на основании одного экземпляра было бы преждевременно делать выводы об изменении количества серебра в чекане субэратных дирхемов Самарканда. Так или иначе, субэратность самаркандских дирхемов особенно затрудняет выяснение первоначального, указного количества серебра в монетах Ибрахима Тамгач-хана, а тем самым и сравнение количества серебра в них с мискалем золота. Необходим количественный химический анализ массового материала.

3. Значение указного веса дирхемов *муаййади* и процента серебра в этих субэратных монетах (на основании изучения массового материала) позволит вычислить примерный вес чистого серебра в каждом дирхеме и в 47 дирхемах для сравнения с мискалем чистого золота, не забывая при этом, что размер мискаля неизвестен (местный самаркандский в 4,46 г?; канонический денежный в 4,25 г?; какой-либо другой?), а высчитанный вес серебра — лишь нижний предел.

4. *Ratio* золота к серебру для Самарканда этого времени по другим источникам пока не-

¹⁰ Анализ сделан в Институте химии АН ТаджССР старшим лаборантом Г. Калашниковой. Монеты клада из Ак-Курганского района Ташкентской области хранятся в Музее истории АН УзССР, Ташкент.

известно, а из свидетельства *вакф-наме* не может быть вычислено не столько даже из-за приблизительности результатов предполагаемого выше сравнения отношения весового золота и серебра монет, сколько из-за неясности еще одного условия. В *вакф-наме* более позднего времени при назначении денежных выплат назывались серебряные монеты, курс которых в одних случаях соответствовал их пробе, в других был принудительным; как правило, монеты описаны настолько подробно, что это условие ясно. Из *вакф-наме* Ибрахима Тамгач-хана оно неясно. Следовательно, даже точно определив вес серебра в 47 монетах и размер золотого мискаля, *ratio* золота к серебру мы не узнаем. Зато, если бы *ratio* было известно из других источников, мы могли бы выяснить вопрос о курсе дирхемов *муаййади* при тех же условиях.

Публикация *вакф-наме* Ибрахима Тамгач-хана была нам известна (благодаря любезному сообщению В. М. Ромодина) задолго до выхода статьи и книги О. Г. Большакова, но мы не устремили возможности специального анализа этого текста без большой предварительной работы, которая и сейчас еще не сделана. Единственное, что можно сейчас достоверно заключить в связи с этим текстом, сводится к следующему. В середине XI в. 47 низкопробных серебряных субэратных дирхемов *муаййади* чекана Ибрахима Тамгач-хана (абсолютное количество серебра в которых пока неизвестно) по курсу приравнялись к одному мискалю (неизвестного размера) чистого золота.

III. Свидетельство Ахмада б. Мухаммада Кубави

о курсе дирхемов *гитрифи* в 1128 г.

Переводя с арабского на персидский язык рассказ Наршахи в «Тарих-и Бухара» о дирхемах *гитрифи* и переменах их курса, Ахмад б. Мухаммад Кубави и от себя добавил то, чему лично был свидетелем: в 1128 г. курс дирхемов *гитрифи* был выше серебра. О. Г. Большаков задавался целью доказать, что это невозможно! Метод его обращения с фактами, источником и литературой целиком подчинен этой задаче. Чтобы рассмотреть и объективно оценить его аргументацию и метод, приведем соответствующий отрывок текста. Как нам удалось показать (и этого О. Г. Большаков не оспаривает), вставка Кубави представлена двумя редакциями, остальные же варианты являются искажениями, восходящими к одной из них [15, с. 82—83; 9, с. 94—95]¹¹. Эти редакции разли-

чаются одним выражением, серьезно меняющим смысл второй части отрывка; в редакции, которую мы назвали первой, сказано زر سرخ — «красное золото» (т. е. червонное золото), во второй редакции — در شرع «по закону». В тексте и переводе эти слова, которыми две редакции различаются, мы опускаем, заменяя пока многоточием в скобках. В тексте также ошибка: «Ахмад б. Наср» вместо «Ахмад б. Мухаммад б. Наср».

احمد بن نصر كويد كه در شهر سنه اثنین
عشرین و خمسائة كه ما این كتاب را ترجمه كریم
صد درم نقره خالص بهفتاد (بهفتاد و دو) درم غدرفی
بود! [مشتقالی (مشتقال) بهفت و نیم درم غدرفی بود]

«Ахмад [б. Мухаммад] б. Наср говорит, что в 522 году, когда мы перевели эту книгу, сто чистых серебряных дирхемов стоили семьдесят (семьдесят два) дирхемов *гитрифи*, а мискаль [...] стоил семь с половиной дирхемов *гитрифи*».

Первая часть текста в обеих редакциях одинакова: 100 чистых серебряных дирхемов = 70 (72) дирхемам *гитрифи*. В 1128 г. дирхем-монет из чистого серебра не чеканили, дирхемы-монеты в государстве Караханидов стали низкопробными уже в первой трети XI в. В XI в. после этого выпускались разные монеты: сплавные и субэратные, но в них неизменно преобладала медь, процент серебра был не велик, известны дирхемы вообще без серебра (из сплава меди и свинца) и т. д. В XII в. положение не улучшилось. Например, в дирхемах 60-х годов XII в. Мас'уда Кылыч Тамгач-хана было 22—25% серебра¹². А потом появились медные посеребренные дирхемы. «Серебряными» могли называть и не очень высокопробные дирхемы при условии, однако, чтобы серебро в них преобладало. Дирхемы рассматриваемого времени, в которых серебро не преобладало, могли даже «серебряными» не называться¹³. Что же касается слова «чистые» *پاكيزه*, то так определялись только и исключительно высокопробные монеты, чему можно было бы привести много примеров из актов и прочих источников. Следовательно, аттестация дирхемов как «серебряных, чистых» исключает для 1128 г. допущение, что Кубави под дирхемами понимал реальные монеты. Так как словом «дирхем» назывались не только монеты, но и весовые единицы, мы заключили

¹² Неопубликованные результаты химического анализа двух монет (№ 30—31) клада из Той-Тюбе, УзССР.

¹³ Кстати, дирхемы *муаййади* Ибрахима Тамгач-хана в его *вакф-наме* и не названы (если текст здесь не искажен) серебряными, между тем именно в юридических документах деньги описывались наиподробнее образом.

¹¹ В многочисленных рукописях «Тарих-и Бухара», которыми мы пользовались, имеются и разночтения, которые учтены.

[9, с. 98], что у Кубави речь идет о весовых дирхемах чистого серебра. Следует подчеркнуть логичность и уместность определения курса монет через весовой металл (в пору, когда реальные монеты были низкопробными и проба их менялась), чему тоже можно было бы привести примеры из актовых и прочих источников. А это все значит, что курс дирхемов *гитрифи* действительно был высоким, ибо каждый дирхем *гитрифи* в 1128 г. равнялся $\frac{100}{70}$ или $\frac{100}{72}$ весового дирхема чистого серебра.

Полагая невозможным такой высокий курс дирхемов *гитрифи*, О. Г. Большаков должен был бы в первую очередь доказать несостоятельность наших соображений о том, что у Кубави речь идет о весовых дирхемах чистого серебра. Но никаких конкретных возражений против нашего толкования первой части вставки Кубави О. Г. Большаков не приводит, он его просто игнорирует, ограничиваясь двумя собственными «позитивными» соображениями в пользу своей заранее запрограммированной точки зрения.

а. Дирхемы *гитрифи* О. Г. Большаков все время называет «медными», тем не менее считает, что они содержали 1/6 часть серебра. Не смущаясь этим противоречием и исходя из уверенности, что курс низкопробных серебряных монет должен был зависеть от их пробы, О. Г. Большаков и заключает, что дирхемы *гитрифи* не могли быть по курсу выше дирхемов чистого серебра. В этих рассуждениях имеются следующие слабые звенья. О. Г. Большаков не сообщает, откуда ему стало известно, что в дирхемах *гитрифи* XII в. была 1/6 часть серебра. Нам подобные сведения для этого времени не встречались ни в источниках, ни в литературе. По имеющимся у нас данным (они опубликованы и не опровергнуты О. Г. Большаковым) дирхемы *гитрифи* чеканены из меди или неценных сплавов (возможно, сверху они амальгамировались серебром). Их действительно следует называть медными (или, вероятно, медными посеребренными) дирхемами *гитрифи* и рассматривать, по существу, как знаки стоимости, обращавшиеся в сфере серебра. Курс знаков стоимости, как известно, зависел не от их металла, а от комплекса совершенно других причин.

б. Второе истолкование текста нужно процитировать: «Если мы допустим (разрядка наша. — Е. Д.), что *درم نقره خالص* («дирхемы чистого серебра») не весовое серебро, а реальные дирхемы¹⁴, номинально считавши-

еся серебряными, то курс *гитрифи* перестанет быть чем-то загадочным: окажется, что они были несколько дороже тогдашних неполноценных же дирхемов» [5, с. 177]. «Нам кажется (разрядка наша. — Е. Д.), что „дирхемы чистого серебра“, в которых Кубави выражает „*гитрифи*“, могли быть неполноценными, но номинально серебряными дирхемами, типа дирхемов Ибрахима Тамгач-хана» (книга, с. 295, примеч. 56). Эти чисто эмоциональные соображения («допустим», «нам кажется») не только не содержат научных доказательств в пользу заранее запрограммированного вывода, не только противоречат ясному и четкому свидетельству источника, но опровергают к тому же первое высказывание самого автора. Нечеткое выражение «неполноценные, но номинально серебряные дирхемы» означает, очевидно, что низкопробные дирхемы типа дирхемов Ибрахима Тамгач-хана О. Г. Большаков по курсу приравнивает к чистому серебру. Сразу возникает вопрос: почему дирхемы *гитрифи* (в которых, по мнению О. Г. Большакова, была 1/6 часть серебра) не могли иметь высокий принудительный курс, а некие другие низкопробные дирхемы (типа дирхемов Ибрахима Тамгач-хана) могли? В этой связи уместно напомнить, что О. Г. Большаков в своем предыдущем эссе о дирхемах *муаййади* доказывал, что низкопробные дирхемы вообще не могли иметь высокого принудительного курса, курс же дирхемов Ибрахима Тамгач-хана конкретно был завышен только на 16% или вдвое (т. е. никак «номинально» не выходил на уровень чистого серебра).

Итак, запутанные и противоречащие друг другу рассуждения, построенные на вольных допущениях, не считающиеся с фактами, ясным текстом источника и объективными закономерностями обращения монет разного рода, при отсутствии строгих и конкретных аргументов не могут быть сочтены основанием для пересмотра толкования первой части фразы Кубави: «дирхемы чистого серебра» остаются весовыми «дирхемами чистого серебра», через которые в 1128 г. выражен курс знаков стоимости — медных (или медных посеребренных) дирхемов *гитрифи*: один дирхем *гитрифи* по Кубави в 1128 г. равнялся $\frac{100}{70}$ ($\frac{100}{72}$) весового дирхема чистого серебра.

Если отсутствие убедительных научных аргументов против этого свидетельства Кубави не поколебало внутренней уверенности

¹⁴ О. Г. Большаков, между прочим, сообщает, что серебряными монетами считал их М. Е. Массон. Это неверно. М. Е. Массон учитывал, что монет, которые

могли быть названы «чистыми серебряными», в это время не было, поэтому определение «чистые серебряные» считал позднейшим искажением текста Кубави и полагал, что речь идет о реальных медных монетах того времени.

О. Г. Большакова в невозможности столь высокого курса для дирхемов *гитрифи* в 1128 г., можно было обратиться к Бируни, сообщение которого, сделанное примерно столетием раньше (но уже в пору развития серебряного монетного кризиса), находится в полном соответствии со свидетельством Кубави: дирхемы *гитрифи* уже тогда были приравнены к серебряным, а иногда даже имели более высокий курс. Это обстоятельство удивляло Бируни, и он относил его «к превратностям нашего времени» [2, с. 229].

Сообщения Кубави и Бируни о высоком курсе дирхемов *гитрифи* не менее серьезно подкрепляет еще одно аналогичное свидетельство, предшествующее по времени и Кубави и Бируни. Свидетельство это находится в тексте «Тарих-и Бухара» непосредственно перед упомянутой вставкой Кубави. Принадлежит оно самому Мухаммаду б. Джафару Наршахи и датировано 220/835 г. В разных рукописях в этом месте имеются искажения и пропуски отдельных слов, но из всех рукописей видно, что 85 дирхемов *гитрифи* сравниваются с каким-то количеством дирхемов чистого серебра *درم نقره پاکیزه* в 220/835 г. (год в отдельных рукописях искажен: 260 вместо 220). Какому же количеству дирхемов чистого серебра равны 85 дирхемов *гитрифи*? В издании Шефера и в рукописях, которыми пользовался Н. Лыкошин [1897 г.: 19, с. 50], здесь был пропуск, так что Н. Лыкошин дату считал числом дирхемов, и в переводе у него 220 дирхемов из чистого серебра равны 85 дирхемам *гитрифи*. В. В. Бартольд [1900 г.: 3, с. 262; так же в английском издании, 22, с. 204] понял, что перед словом «дирхем» пропущено слово «сто» и восстановил текст: в 220/835 г. 100 белых дирхемов были равны 85 *гитрифи*. В распоряжении П. И. Лерха [1909 г.: 17, с. 62—63; 66] была рукопись без пропусков, с таким тек-

стом: محمد بن جعفر اورده است كه بسال دويست و بیست صد درم نقره پاکیزه بهشتاد و پنج درم [اغذرفی] Мухаммад б. Джафар сообщил, что в 220 году сто дирхемов чистого серебра ходили за восемьдесят пять дирхемов [*гитрифи*]. В рукописях, которыми пользовался Резави, слово «сто» после даты пропущено [1973 г.: 28, с. 51], его восстановил Р. Н. Фрай в английском переводе [1954 г.: 25, с. 37]. Мы также, опираясь на ряд рукописей, сравнительный анализ построения изложения разных отрывков о курсе дирхемов *гитрифи* и приведенное выше заключение предшественников, приняли именно процитированный вариант этой фразы. Итак, В. В. Бартольд, П. Лерх, Р. Н. Фрай, Е. А. Давидович сочли, что из

текста следует: 85 дирхемов *гитрифи* = 100 дирхемам чистого серебра в 220/835 г. И ни у кого после Н. Лыкошина уже не вызывало сомнения, что «220» — это именно и только дата (Резави в 1973 г., т. е. во втором издании, даже отделил эту дату от последующего текста запятой).

О. Г. Большаков, без видимых причин вернувшись к тексту по изданию Шефера (т. е. без слова «сто»), справедливо объявляет такой текст искаженным, а для его «исправления» предлагает совсем новый перевод, искусственно отделив друг от друга два слова даты и отбросив союз «и»: «В году двести... 20 дирхемов чистого серебра стоили 85 дирхемов „гитрифи“» (с. 295, примеч. 56). Игнорирование текстологической работы предшественников и столь вольное обращение с началом фразы, очевидно, потребовались для доказательства все той же идеи: дирхемы *гитрифи* не могли иметь высокого курса. В результате подобной вивисекции текста О. Г. Большаков получает равенство: один дирхем чистого серебра = 4,25 *гитрифи*, что, по его мнению, «гораздо правдоподобнее» (!).

Существенную методическую непоследовательность О. Г. Большаков обнаруживает и при истолковании двух равнозначных отрывков о курсе *гитрифи*. И Мухаммад б. Джафар Наршахи в 220/835 г. и Ахмад б. Мухаммад Кубави в 522/1128 г. дирхемы *гитрифи* сравнивают с «дирхемами чистого серебра», которые описаны одинаково: *درم نقره پاکیزه* у первого и *درم نقره خالص* у второго. О. Г. Большаков для первого случая принимает, что это «дирхемы чистого серебра», а для второго, что это низкопробные серебряные монеты! Такая непоследовательность объясняется разными способами «подгонки» текста под свою идею. В первом случае это достигнуто «расчленением» даты, что позволило «не трогать» истинный и ясный смысл выражения «дирхемы чистого серебра». Во втором случае не было иного способа «снизить» курс *гитрифи*, как объявив «дирхемы чистого серебра» низкопробными серебряными монетами.

В настоящее время мы располагаем четырьмя свидетельствами высокого курса дирхемов *гитрифи*, которые были либо приравнены к дирхемам чистого серебра, либо даже стояли выше последних.

1. Мухаммад б. Джафар Наршахи: после пересчета хараджа Бухары в дирхемы *гитрифи* (по курсу: 6 дирхемов *гитрифи* = 1 дирхему чистого серебра) их курс начал постепенно подниматься и наконец «дирхемы гитрифи стали обращаться за дирхем серебра» [28, с. 51]. Дата не названа, но из контекста ясно, что новый курс сложился не раньше конца

VIII в. или начала IX в. Это свидетельство Наршахи О. Г. Большаков не использовал.

2. Мухаммад б. Джафар Наршахи: в 220/835 г. 85 дирхемов *гитрифи* равны 100 дирхемам чистого серебра.

3. Бируни, первая половина XI в.: дирхемы *гитрифи* равны по курсу дирхемам чистого серебра, а иногда даже превышают последние; Бируни это обстоятельство относит «к превратностям» своего времени. Это свидетельство Бируни О. Г. Большаков не использовал.

4. Ахмад б. Мухаммад Кубави: в 522/1128 г. 70 (72) дирхемов *гитрифи* равны 100 дирхемам чистого серебра.

Эти четыре разновременных сообщения находятся в совершенном согласии. Если бы О. Г. Большаков рассмотрел их комплексно (имея при этом в виду, что уже к первой четверти IX в. курс дирхемов *гитрифи* определялся не их металлом, а другими причинами), он, возможно, с большим вниманием и уважением отнесся бы к четкому и ясному тексту двух из этих сообщений.

Вернемся к вставке Кубави 1128 г. и рассмотрим интерпретацию второй части этой вставки. Именно вторая часть привела к выводу о двух редакциях. Здесь 7,5 дирхема *гитрифи* приравнены либо к «мискалю червонного золота», либо к некоему «мискалю по закону». Мы внимательно рассмотрели обе редакции [1959 г.: 15, с. 82—85; 1960 г.: 9, с. 95—99], произвели расчеты разных вариантов и вынуждены были правильной, исходной счесть первую редакцию. В результате получилось, что Кубави определил курс дирхемов *гитрифи* в 1128 г. двояко: по отношению к весовым дирхемам чистого серебра и по отношению к весовым мискалям червонного золота¹⁵. Мы подчеркивали, что двоякое определение (через золото и серебро) в пору серебряного монетного кризиса (когда и серебряные и золотые монеты имели разный вес и разную пробу и никакой устойчивости в этом смысле не существовало) было логично и наиболее прочно, привели аналогию для сходной ситуации и получили возможность вычислить *ratio* золота к серебру в Бухаре в 1128 г. (1:7,5), отвечавшее состоянию серебряного кризиса.

О. Г. Большаков не рассмотрел и не опроверг наши доводы и расчеты. Он предпочел вторую редакцию: 7,5 *гитрифи* по закону равны мискалю. Из второй редакции металл

мискаля неизвестен, но известно, что в то время для взвешивания серебра и серебряных монет употреблялся дирхем, а для взвешивания золота и золотых монет — мискаль. Не принимая во внимание этого обстоятельства и уверенно объявив мискаль не золотым, а именно серебряным, О. Г. Большаков и получил «искомый» низкий курс дирхемов *гитрифи*, отвечавший его желанию. Дальнейшие его расчеты мы не рассматриваем, так как они опираются на те его выводы, методическую ошибочность¹⁶ и фактическую неверность¹⁷ которых мы выше уже показали. Следует только добавить, что при правильном понимании первой части вставки Кубави («дирхемы чистого серебра» — это не монеты, а именно «чистое серебро» в весовом выражении) противоречивость и нелепость второй редакции очевидны, подробный разбор нами уже опубликован [9, с. 95—97]. Поэтому принятие второй редакцией предполагает необходимость компрометации первой части вставки Кубави — компрометации прямого и ясного смысла выражения «дирхемы чистого серебра» и идеи прочного сравнения медных (или медных посеребренных) дирхемов *гитрифи* — знаков стоимости с серебром-металлом в пору, когда сравнение с монетами из-за их низкой и меняющейся пробы не обладало никакой прочностью.

НЕСКОЛЬКО ЧАСТНЫХ СООБРАЖЕНИЙ

Большое место в работе О. Г. Большакова занимают гл. II («Последствия арабского завоевания») и гл. VII («Социально-экономические отношения в городе»).

О завоевании Средней Азии арабами, последствиях этого завоевания и борьбе народов Средней Азии против завоевателей написано много. О. Г. Большаков посвятил этому вопросу целую главу. Он не оказался в плену сделанного до него, сумел извлечь из письменных источников новые факты, более глубоко рассмотреть старые. Следует также отметить, что О. Г. Большаков совершенно отчетливо понял то, о чем часто забывают историки — необходимость учета психологического фактора: «... хотя появление арабов в Средней Азии не могло изменить социально-экономических основ общества, для современников оно было событием огромной важности, резко переломившим их жизнь. То, что для историка справедливо кажется частным моментом, не сравни-

¹⁵ Нельзя не отметить, что в *вакф-наме* Ибрахима Тамгач-хана середины XI в. курс его низкопробных субэратных дирхемов был выражен также через весовое золото.

¹⁶ Курс дирхемов *муаййади* Ибрахима Тамгач-хана.

¹⁷ «Дирхемы чистого серебра» = низкопробным серебряным монетам типа дирхемов Ибрахима Тамгач-хана.

мым по масштабам с большими эпохальными изменениями, то для современника является главным, заслоняющим остальное, поскольку эти частности повседневно касаются его лично» (с. 143). Учет общественной психологии безусловно помог автору многие явления и процессы понять лучше, чем это удавалось его предшественникам. В целом глава II безусловно шаг вперед в разработке ряда важных взаимосвязанных вопросов.

Особенно впечатляет анализ восстаний и движений в Средней Азии VIII в. О них много писали, но только теперь видно, что писали схематично. О. Г. Большаков заново и очень внимательно со всех точек зрения рассмотрел каждое восстание и движение в отдельности; затем на основе сравнительного анализа убедительно периодизировал их, обнаружил особенное на каждом этапе, причины и сущность различий, а также основную тенденцию в этих сложных и важных изменениях расстановки классовых сил, основных движущих сил, основных лозунгов и т. д.

Не менее важно подчеркнуть, что при разработке ряда вопросов О. Г. Большакову удалось выявить среднеазиатскую специфику и проанализировать причины, породившие эту специфику. Очень убедительно показаны, например, различия в характере завоевания арабами Хорасана и Мавераннахра и соответственно разницы последствий этого завоевания для двух названных регионов; конкретные особенности и трудности исламизации именно в Мавераннахре и связь этих трудностей с нерасчлененностью джизьи и хараджа на ранних этапах после арабского завоевания; сущность и специфика процесса слияния интересов крупных диканов и арабской верхушки, а также тех общих изменений, которые арабское завоевание принесло именно городам Средней Азии.

Глава VII является первым конкретно-историческим исследованием важнейшей группы вопросов социально-экономической жизни города Средней Азии IX—XII вв. Европейская наука достигла больших успехов в разработке сложных вопросов истории городов Ближнего Востока. Эта глава ликвидирует отставание в изучении среднеазиатского города. Она содержит анализ с позиций марксистской методологии тех вопросов социально-экономической жизни среднеазиатского города IX—XII вв., для разработки которых О. Г. Большакову удалось по крохам собрать материал из источников. Эти данные он анализирует в широком контексте более обширных аналогичных сведений из истории городской жизни Среднего и особенно Ближнего Востока. Сделанные в гл. VII наблюдения важны не только сами по себе, т. е. для IX—XII вв., они, кроме того, открывают

возможность понимания истоков многих явлений социально-экономической жизни позднесредневековых городов Средней Азии.

Однако некоторые формулировки и выводы по частным вопросам в главах II и VII кажутся не вполне удачными и убедительными.

1. О. Г. Большаков, подчеркнув, что «в одновременной политической и экономической власти над деревней характерная черта раннефеодального города Средней Азии» (с. 149), называет только одну причину сложения этой характерной черты: «Глинобитные касры не были столь надежной защитой, как каменные замки европейских феодалов, и необходимость совместной обороны объединяла диканов в городе. В их лице город оказывался хозяином прилегающего земледельческого района...» (с. 148). Необходимость совместной обороны в городе могла быть одной из причин, но не самой главной и никак уж не единственной, следовало бы рассмотреть остальные возможные причины отмеченной особенности города, иначе напрашивается нелепое заключение, что изначально она была определена всего лишь стройматериалами: будь в Средней Азии не глина, а камень, развитие городов, выходит, пошло бы совсем иным путем... Вопрос о причинах этой специфики среднеазиатского города не прост, от него нельзя отделяться одной фразой, лучше уж было ограничиться констатацией без рассмотрения причин. Попутно заметим следующее. Представляется, что эту характерную особенность города Средней Азии нельзя рассматривать в отрыве от форм землепользования. Парцеллярная форма землепользования и нетипичность или отсутствие крупных феодальных хозяйств безусловно ослабляли связь феодала с его собственностью в сельской местности, ибо его единственной заботой был сбор ренты. Возможно, это тоже одна из причин, но тоже не единственная. Этот сложный вопрос заслуживает пристального внимания, требует разностороннего анализа (и не только на основе среднеазиатского материала!), процитированное же умозаключение О. Г. Большакова создает иллюзорное впечатление простоты и решенности.

2. Очень важен и серьезен рассмотренный автором вопрос об образовании земельной собственности в городе. Он полагает, что «одним из путей появления внутригородской собственности на землю могло быть наделение при закладке города будущих его жителей участками, которые они должны были застраивать по своему вкусу, сообразуясь лишь с общей планировкой города. Так застраивалась, например, Самарра» (с. 149). Возвращаясь в Среднюю Азию, О. Г. Большаков заключает категорично: «Такие наделы лежат в конце концов в основе

земельной собственности многих среднеазиатских городов, особенно таких (разрядка моя. — Е. Д.), которые, подобно Бухаре и Пенджикенту, были застроены по единому плану» (с. 149), но, значит, и таких, которые были застроены не по единому плану, а образовались другим путем. К этому выводу имеет отношение еще одно умозаключение: «Возможно, что многочисленные (разрядка моя. — Е. Д.) города Средней Азии, основанные в IV—VI вв., родились как резиденции князей, построенные на княжеских землях» (с. 149).

Итак, единственное основание для экстраполяции (город Самарра) — наличие в Средней Азии городов, застроенных по единому плану. Таких городов, по мнению О. Г. Большакова, много. Доказательство — время возникновения (IV—VI вв.).

Количественные характеристики даже в самой общей форме («много», «мало») — очень серьезный довод для определения удельного веса и роли любых явлений и процессов: «много» — это закономерность, преобладание, «мало» — это второстепенность, иногда случайность или неизученность и т. д. Количественные характеристики столь ответственны, что их необходимо обосновать сравнительным анализом цифр. В данном случае такая возможность была, и О. Г. Большаков ее видел (с. 210): «Из названных географами 250—270 городов мы знаем по описаниям средневековых авторов или по городищам около половины, что позволяет считать достаточно достоверными выводы о размерах городов, их структуре и путях сложения» (разрядка моя. — Е. Д.). Оставалось подсчитать, сколько городов можно уверенно назвать построенными по единому плану, сколько городов — построенными в IV—VI вв. Скромность полученных цифр сама по себе, особенно же по сравнению с исходными данными (250—270 городов), уберегла бы О. Г. Большакова от предложенной им оценки значения и удельного веса в Средней Азии рассматриваемого пути образования земельной собственности в городе, а также убедительно показала бы, что время количественных характеристик такого рода еще не пришло.

Нам представляется, что предложенная экстраполяция позволяет заключить только одно: и в Средней Азии образование земельной собственности в городах, застроенных по единому плану, имело место. Но категорически утверждать, что этот путь характерен для многих среднеазиатских городов, в том числе для городов другого типа, т. е. не застроенных по единому плану, — нет пока никаких оснований.

3. Разбирая вопросы городского управления, О. Г. Большаков заключил: «Мы знаем один

случай, когда город управлялся патрициатом и являлся самостоятельной политической единицей» (с. 150). Подразумевается здесь Пайкенд. Для этого же времени можно назвать и второй подобный случай. Наршахи называет Исканджкат селением, но он вообще нечетко различает селение и город (Тававис, например, назван и селением и *шахристаном*). В Исканджкате не было пятничной мечети, так что по формальному признаку это действительно не город, а селение. Вместе с тем это центр ремесла и торговли, все жители — торговцы и разбогатели от торговли. Сначала Исканджкат был пожалован эмиру Хорасана Мухаммаду б. Тахиру, потом продан Сахлю б. Ахмаду Дагуни Бухари, последний получал с Исканджката 10 000 дирхемов, причем налог раскладывался по домам, что еще более характеризует основное занятие жителей. Наконец в конце IX или начале X в. Исканджкат откупился за 170 000 дирхемов [29, с. 18—19] и стал самостоятельным, по существу, городом. Из контекста видно, что и до выкупа в Исканджкате была какая-то местная форма управления.

4. Очень важен тезис о господстве в городе безусловной частной собственности на землю (с. 312). Сама постановка вопроса о частной собственности на землю в городе прогрессивна вне зависимости от количественной характеристики. Думаю, что удельный вес государственной земли был тоже велик, так что на «господстве» частной собственности, возможно, не стоит настаивать. В этом смысле интересный сравнительный материал дают юридические документы позднесредневековой Средней Азии XVI—XVIII вв.: в городе существовали все те категории собственности, что и в деревне. Заметен процесс концентрации частной собственности, роста за ее счет вакуфных земель, но и государственные земли фигурируют очень часто.

5. Большую научную ценность имеет новое и убедительное истолкование термина *мустагалл* как недвижимости, приносящей доход. Собран интересный конкретный материал, иллюстрирующий такое толкование (с. 312—313, 317). Но в связи с этим произошло смешение понятий: доходы с *мустагаллов* почему-то объявлены земельной рентой: «Таким образом, *غاله* (мн. ч. *غلات*) — не что иное, как земельная рента, доход с торговых предприятий...» (с. 313). Земельной рентой является не доход от торговых предприятий, а только арендная плата собственнику земли. Земли и *мустагаллы* могли принадлежать совершенно разным собственникам (О. Г. Большаков сам приводит ясный пример такого рода в Фарсе: земля принадлежит султану, купцы построили на ней *мустагаллы*, а за землю платят арендную плату;

с. 317), в этом случае собственник земли получал земельную ренту от собственника *мустагалла*, а последний — только доход от самих предприятий.

6. Неверно понят текст Наршахи об Исканджкате — селении в Бухарском оазисе. О. Г. Большаков считает, что халиф, чьей собственностью было это селение, подарил его Мухаммаду б. Тахиру, а тот продал Сахлю б. Ахмаду (с. 316). Селение действительно было «султанской землей», но халиф не подарил, а пожаловал его хорасанскому эмиру Мухаммаду б. Тахиру, а потом сам же халиф (а не Мухаммад б. Тахир) продал за деньги это селение Сахлю б. Ахмаду [28, с. 18]. *این دیه را... به مقاطعه داده بود به محمد بن طاهرکه امیر خراسان بود و باز فروخت به سهل بن احمد الداغونی* [на правах] *икта* Мухаммаду б. Тахиру, который был эмиром Хорасана, а потом продал за деньги Сахлю б. Ахмаду ад-Дагуни ал-Бухари».

Селение не было собственностью Мухаммада б. Тахира, оно было лишь жалованным владением. Таким же жалованным владением были и базары Иштихана, хотя О. Г. Большаков, считает, что и они тоже были подарены халифом, а не пожалованы (с. 315). Аргумент против пожалования в этом случае: Средняя Азия входила во владения Тахиридов, и халиф там мог распоряжаться только своей собственностью (с. 315—316). Логика суждения неясна: если халиф мог какой-то объект дарить, то он мог его и жаловать.

7. В главе четко, на соответствующих примерах показано, что управление городами находилось в руках государства. Рассмотрены конкретные среднеазиатские данные о городской администрации, функции разных чиновников¹⁸ в городах Средней Азии. Отчетливо показано, что высшие городские должности находились в руках знати, крупных феодалов, складывались даже целые династии крупных чиновников. Приведены интересные конкретные примеры нескольких семей, буквально потомственно занимавших высшие городские должности. Однако в перечне конкретных примеров есть серьезные ошибки. Так, много ошибок в генеалогии и хронологии судейского (*кади*) рода Са'иди, не говоря уже о том, что приведенные данные не полны (с. 330).

Так, основатель рода Са'ид б. Мухаммад был *кади* Нишапура не «не позднее 1011—

1041 гг.», как пишет О. Г. Большаков, а в пределах (с некоторыми перерывами) 987—1002 гг. Исма'ил, его старший сын, с 1028 г. был *кади*, а потом *кади кудаг* сначала Рея, затем (ок. 1040 г.) Нишапура и области, включая Тус и Нису (ум. в 1051 г.). Для него автор не указывает дат. Второй сын, Мухаммад, которого О. Г. Большаков считает *кади кудагом*, на самом деле фигура незначительная. Третий сын, Абу Мухаммад Убайдаллах (род. в 1018 г.), вовсе пропущен, хотя именно он был главным *кади* Хамадана, а затем и Нишапура (ум. в 1093 г.)¹⁹.

8. Описывая восстание в Бухаре в 871 г. против наместника Хусайна б. Тахира, О. Г. Большаков отмечает: «Восстание окончилось успешно, Хусейн вынужден был бежать, оставив все собранное серебро» (с. 339). Это неточно, Хусайн б. Тахир собирал харадж Бухары исключительно дирхемами *гитрифи* и собирался обменять их на серебро, но не успел, бежал, а дирхемы *гитрифи* остались в замке [28, с. 107].

9. Согласно вакф-наме середины XI в. Ибрахима Тамгач-хана I 47 дирхемов *муаййади* равнялись в Самарканде того времени мискалю чистого золота (с. 295). Во всех последующих расчетах (с. 306, 318 и др.) мискаль превратился в динар. Но динары того времени имели разную пробу, разный вес, даже разные названия, превращать твердую весовую единицу мискаль в неизвестный динар — это ошибка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во введении к первой части нашей рецензии оговорено, что нет возможности, да и надобности делать краткий реферат всей работы О. Г. Большакова, задача другая: обсудить несколько общих и частных вопросов, разработка которых не показалась удовлетворительной; предложить иные решения некоторых из дискуссионных вопросов. Читатель глав О. Г. Большакова легко убедится, что сумма вопросов, рассмотренных в двух частях рецензии, — отнюдь не главное содержание его монографического исследования. Работа О. Г. Большакова — результат большого и кропотливого труда по сбору и осмыслению массы разрозненных сведений, содержащихся в источниках и накопленных в литературе. Это первое монографическое исследование наименее разработанной проблемы истории Средней Азии — проблемы средневекового города. Поэтому дис-

¹⁸ Автор отмечает, что *раисы* в источниках XI—XII вв. упоминаются чаще, но главным образом во владениях Газневидов и Сельджукидов (с. 325). Нужно добавить — и Хорезмшахов (документ о назначении *раиса* в Дихистан и Гурган, см. [24, с. 131—132]).

¹⁹ Всю генеалогию приводить не буду, подробные данные об этой семье опубликованы [23, с. 202—224].

кусионность некоторых разработок — не всегда недостаток.

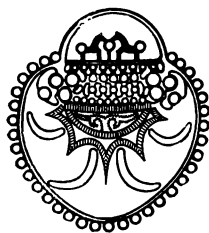
Монография подобного рода будет опорой и ориентиром для всех специалистов, которые в дальнейшем обратятся к этой же теме. Именно это налагает особые обязательства: точность, проверенность всех фактов, всех заключений. Тем большее сожаление вызывают, таким обра-

зом, многие досадные мелкие ошибки в работе О. Г. Большакова, обусловленные главным образом невнимательным подчас отношением к источникам и литературе, — все признаки поспешности. Было бы полезно переиздать эту работу, устранив следы небрежности и обдумав дискуссионные вопросы и некоторые вопросы структуры.

1. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Таш., 1963.
2. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Пер. А. М. Белицкого. [Л.], 1963.
3. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.
4. Бартольд В. В. Фергана. — Сочинения. Т. 3. М., 1965.
5. Большаков О. Г. Два вакфа Ибрахима Тамгачхана в Самарканде. — Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1970.
6. Булатова В. А. Древняя Кува. Таш., 1972.
7. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
8. Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — Нумизматика и эпиграфика. Т. 6. М., 1966.
9. Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — Нумизматика и эпиграфика. Т. 2. М., 1960.
10. Давидович Е. А. Канибадамский клад караханидских монет (К характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII—начале XIII в.). — СА. 1961, № 1.
11. Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник. — ППВ-1968. М., 1970.
12. Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. — ДАН ТаджССР. Вып. 11. 1954.
13. Давидович Е. А. Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада хорезмшаха (1200—1220). — СА. 1968, № 1.
14. Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах. — НАА. 1968, № 1.
15. Давидович Е. А. Об отношении золота и серебра в Бухаре в XII веке. — ПВ. 1959, № 4.
16. Давидович Е. А. Саманидские монеты Кубы. — СА. 1960, № 2.
17. Лерх П. И. Монеты Бухар-Худатов. СПб., 1909.
18. Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. — ДАН ТаджССР. Вып. 11. 1954.
19. Мухаммад Наршахи. История Бухары. Пер. с перс. Н. Лыкошина. Таш., 1897.
20. Фасмер Р. Р. Новые приобретения Эрмитажа в области кувической нумизматики. — Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. 3. Л., 1924.
21. Федоров М. Н. Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в. — ИМКУ. Вып. 8. 1969.
22. Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. L., 1928.
23. Bulliet R. W. The Patricians of Nishapur. A study in medieval islamic social history. Cambridge Mass., 1972.
24. Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosselügen und Hōrazmšāhs. (1038—1223). Eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit. Wiesbaden, 1964.
25. The History of Bukhara. Transl. from a Persian abridgment of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye. Cambridge Mass., 1954.
26. Vasmer R. Beiträge zur muhammedanischen Münzkunde. 1. Die Münzen der Abu Da'udiden. — «Numismatische Zeitschrift». T. 58, 1925.
27. Zambaur E. Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden, 1968.
28. تاریخ بخارا ابو بکر محمد بن جعفر النرشخی مدرّس رضوی طهران ۱۳۵۱ ش (1973)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1957

Н. Л. БЕЛОРУЦКИЙ

НАХОДКА КАМЕННОГО ИЗВАЯНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

В 1956 г. в колхозе им. Ворошилова, около станицы Ново-Леушковской, Павловского района, Краснодарского края, была случайно найдена в небольшом кургане на глубине 40—80 см известняковая статуя высотой 1 м 68 см, изображающая воина. Хорошо обработаны голова, туловище, руки, короткие ноги. Хорошо сохранилась голова, на ней ясно видны нос, брови, глаза, рот, усы, уши (рис. 1).

Головной убор — остроконечный шлем, имевший в верхней части углубление. Из-под головного убора на спину свисает хорошо выполненная заплетенная коса. От поясника через плечи резцом обозначены ремни, которые соединяются на спине пугвицей под косой. На другой стороне одежды отчетливо изображена охотничья собака, а на другой стороне — какая-то птица.

Статуя хранится в Ново-Леушковской школе.

В 1949 г. подобная статуя воина была найдена в верхней части небольшого кургана в станице Старо-Леушковской (20 км от Ново-Леушковской). Сейчас эта статуя находится в Краснодарском краеведческом музее.

Рис. 1. Каменное
изваяние

Е. А. ДАВИДОВИЧ

КЛАД КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ XI в. ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

В августе 1955 г. в Шайданском районе Ленинабадской области, недалеко от кишлака Бободархон был найден В. А. Рановым клад серебряных караханидских монет начала XI в.¹

Все кашгарские монеты чеканены от имени Кадыр-хана Юсуфа б. Бугра-хана. Узгендские и часть (4 экземпляра за 398—401 г. х. (1007—1011)) ахсикетских монет чеканены от имени илека Насра (владельца Мавераннахра и Ферганы) с упоминанием титула его сюзерена. Другая часть ахсикетских монет чеканена от имени Ахмада б. Али, старшего брата Насра.

¹ Описываемый клад хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Клад состоит из 19 целых монет, нескольких крупных фрагментов и большого числа мелких от (трети монетного кружка и меньше). Общее число фрагментов — свыше 80. Кроме целых монет, удалось уточнить определение 34 фрагментов, когда это позволяли их размеры и состав сохранившихся на них надписей. Происхождение фрагментов неясно. Попытки подобрать их не дали результатов. Последнее может объясняться тем, что клад сохранился не целиком. Но не исключено, что монеты разломаны преднамеренно и осколки эти обращались. Для предшествующего, саманидского, времени такой факт засвидетельствован письменными источниками и серебряными монетными кладами.

О кладах, зарегистрированных на территории Тадж. ССР с 1952 г., см. Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 69—79; О. И. Смирнова. Монетные находки на городище древнего Пенджикента. Сб. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 83—93; Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. Там же, стр. 95—103.

На двух разнотипных монетах 405 г. х. (1014—1015) (одна — шашская, на второй наименование монетного двора не сохранилось) упомянуты и Ахмад б. Али и Кадыр-хан Юсуф б. Бугра-хан. Две также разнотипные монеты 404 г. х. (1013—1014) (одна ходжендская, на второй наименование монетного двора не сохранилось) чеканены от имени Мухаммада б. Али, младшего брата Ахмада и Насра, причем на ходжендской монете приведена только его титулатура, а на второй — также и его собственное мусульманское имя. Монета Тараза сильно фрагментирована, даты и имени государя на этом фрагменте нет.

Особое внимание обращает самаркандская монета 401 г. х. (1010—1011) (КП — 230/33). Она позволяет пересмотреть предложенное О. Прицаком определение одной группы монет и упомянутого в их надписях лица.

На некоторых шашских и самаркандских монетах начала XI в. фигурирует лицо с куньей Абу-л-музаффар, лакабом Низам-ад-доуля и тюркским титулом *طغا دگن* (без диакритических знаков), который разные исследователи читают по-разному: «тига — тегин» и «тонга — тегин». Кто это лицо, каково его мусульманское имя? О. Прицак, крупнейший в настоящее время исследователь истории Караханидов, широко использующий в своих работах монетные данные, полагает, что это лицо — Мансур б. Али, третий сын Али б. Мусы. На чем основано это заключение? Анализируя монеты с надписью «Арслан-хан Илек», О. Прицак очень убедительно доказывает, что здесь подразумевается не одно (как полагали многие), а два лица: «Илек» — это упоминаемый на тех же монетах Мухаммад б. Али, а мусульманское имя «Арслан-хана» — Мансур б. Али с куньей Абу-л-музаффар. Вслед за этим О. Прицак заключает: «Кунья Абу-л-музаффар впервые встречается на монетах, чеканенных в Шаше в 399 г. х. = 1008/9, 401 г. х. = 1010/1. Отсюда мы видим, что Мансур б. Али, третий «Алид», правил в это время в Шаше. Кроме того, он носил тюркский эпитет Тонга — тегин и лакаб Низам-ад-доуля. Так как в то же время его монеты уже появляются в Самарканде, мы должны принять, что Мансур б. Али был преемником умершего в этом году властителя Ферганы и Мавераннахра, Насра б. Али»¹.

Привлеченные О. Прицаком для этого заключения шашские и самаркандские монеты опубликованы Х. М. Френом, Б. Дорном и А. К. Марковым. На шашских монетах 399 г. х. (1008—1009) и 401 г. х. (1010—1011) упомянуты два лица: Низам-ад-доуля абу-л-музаффар тига — тегин (поле об. ст.) и Кутб-ад-доуля наср-ал-милля (круговая надпись об. ст.). Самаркандские монеты разнотипны. Датированная чеканена в 403 г. х. и на ней обозначены те же два лица, только в другом взаиморасположении: «Кутб-ад-доуля» в поле об. ст., а «Низам-ад-доуля абу-л-музаффар» в круговой легенде об. ст., причем тюркский титул «тига — тегин» — отдельно, в поле л. ст. На одних недатированных самаркандских монетах в круговой надписи об. ст. (как и на шашских монетах) — «Кутб-ад-доуля», а в поле обеих сторон — «тига — тегин» — тюркский титул второго лица; на других — только тюркский титул «тига — тегин».

Принадлежность лакаба «Кутб-ад-доуля» не вызывает сомнения: подразумевается Ахмад б. Али, известный с этим же лакабом по другим его монетам, на которых проставлено и его собственное мусульманское имя. Принадлежность же второго лица определена О. Прицаком на основании некоторых косвенных соображений, поскольку вышеописанные известные ему экземпляры не имели или не сохранили собственного имени.

Самаркандская монета 401 г. х. (1010—1011) отлична от всех известных О. Прицаку экземпляров этой группы прежде всего тем, что она донесла мусульманское имя лица с титулом «тига — тегин» (и это отнюдь не Мансур б. Али). Любопытна она и тем, что дает новый материал для ха-

¹ O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen. Oriens, т. 3, № 2, Leiden, 1950, стр. 215—216.

рактеристики политической карьеры последнего, поскольку в качестве его непосредственного сюзерена на монете фигурирует не Ахмад б. Али, а Наср б. Али.

Приводим описание этой монеты:

л. ст., поле

طعاً
لا اله الا
الله و حده
لا شريك له
تكنين

об. ст., поле

الله
محمد رسول الله
القادر بالله ناصر الحق
خان الموييد الدل
ايملك نصر

Круговая надпись л. ст. содержит выпускные сведения. Круговая надпись оборотной стороны содержит титулатуру и имя:

الامير الجليل نظام الدوله ابو الظفر محمد بن الد

Итак, на самаркандской монете 401 г. х. (1010—1011) из нашего клада упомянуты три лица: Насир ал-хакк-хан (верховный сюзерен); Алмувайид ад-адль илек Наср (владелец Ферганы и Мавераннахра со столицей в Узгенде) и Низам-ад-доуля абу-л-музаффар тига-тегин с мусульманским именем Мухаммад¹. Последнее исключает предложенную О. Прицаком идентификацию.

Монеты рисуют любопытную политическую карьеру Мухаммада тига-тегина. В Шаше он выступает в качестве вассального правителя Ах-

Год хиджры	Всего монет	В том числе:							
		Кашгар	Ахсикет	Узгенд	Самарканд	Ходженд	Шаш	Тараз	Город не сохр.
394 (1003—1004)	1								1
398 (1007—1008)	2		1	1					
399 (1008—1009)	1			1					
39... (1009—1010)	2		1						1
400 (1009—1010)	4			4					
401 (1010—1011)	7	3	2	1	1				
402 (1011—1012)	1	1							
403 (1012—1013)	3	2	1						
404 (1013—1014)	9	5	2			1			1
405 (1014—1015)	3	1					1		1
40... (1015—1016)	2	1	1						
Год не сохр.	18	10	1					1	6
Всего:	53	23	9	7	1	1	1	1	10

мада, б. Али. Самарканд в это время принадлежал брату Ахмада, Насру б. Али. Разобранная самаркандская монета показывает, что в 401 г. х. (1010—1011) этот Мухаммад уже владел Самаркандом, признавая себя вассалом Насра б. Али. Судя по местоположению имен на монетах, права и самостоятельность Мухаммада в Самарканде были даже большими, чем в Шаше. В этом же году Самарканд отошел к Ахмаду б. Али². Последующий чекан показывает разные нюансы взаимоотношений между Ахмадом б. Али и Мухаммадом тига-тегином, сумевшим на некоторое время сохранить за собой Самарканд.

¹ К сожалению, имя отца Мухаммада не сохранилось. После слова «бен» четко видны только три буквы: «алиф», «лям» и «дже» или «хе» (в зависимости от отсутствующих здесь диакритических знаков).

² B. Dorn. Über die Münzen der Ilke oder ehemaligen Chane von Turkistan. Mélanges Asiatiques, т. VIII, SPb., 1881, стр. 716, № 35.